

Соблюдение языковой культуры при формулировании положений в уголовно-процессуальных документах будет способствовать повышению эффективности уголовно-про-

цессуальной деятельности, авторитету правоохранительных органов, доступу к правосудию и реализации нравственных начал уголовного судопроизводства.

Калугин А.Г.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В теории уголовно-процессуального права общепринятой является точка зрения о том, что уголовно-процессуальные правоотношения возникают по поводу и на фоне возникшего ранее (в момент выполнения объективной стороны преступления его субъектом) уголовно-правового (материального) правоотношения. Вместе с тем в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве никак не отражен момент возникновения уголовно-процессуальных правоотношений по поводу конкретного криминального события.

Очевидно, что момент принятия решения о возбуждении уголовного дела таковым не является. Современная российская уголовно-процессуальная доктрина исходит из того, что уголовно-процессуальное правоотношение возникает в момент получения специально уполномоченным на то законом государственно-властным субъектом сообщения о готовящемся или совершенном преступлении, то есть уголовное судопроизводство как вид государственной деятельности, урегулированный уголовно-процессуальным законодательством, включает в себя деятельность по рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях, возбуждению и расследованию уголовных дел.

На этой позиции стоит и Конституционный Суд Российской Федерации, который в постановлении от 13 июня 2019 года указал, что срок досудебного производства исчисляется со дня подачи заявления, сообщения о

преступлении¹, а в постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П² фактически приравнял (применив аналогию права) содержание процессуального статуса заподозренного лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, к статусу подозреваемого.

Деятельность, осуществляемая с момента поступления сообщения о преступлении до принятия решения – о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, – является процессуальной, на что нам прямо указывает содержание как специальной нормы (ст. 144 «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении»), так и более общие положения УПК РФ (в частности, п. 9 ст. 5, ст. 6.1):

– осуществляется субъектами уголовного судопроизводства – следователем, дознавателем, органом дознания;

– предусматривает возможность производства следственных и иных процессуальных действий (должностные лица органов предварительного расследования вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу и получать заключение эксперта, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование);

– её сроки установлены нормами УПК РФ;

¹ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.06.2019 № 23-П.

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П.

– завершается принятием одного из упомянутых выше уголовно-процессуальных решений.

Тем парадоксальнее выглядит ситуация, когда такой, без сомнения, один из ключевых моментов – момент начала уголовно-процессуальной деятельности – не нашел никакого отражения в законодательстве.

Причиной тому, как представляется, служит сохраняющееся в умах большей части как законодателей, так и практиков восприятие деятельности, осуществляемой в стадии возбуждения уголовного дела, как квазипроцессуальной, некоего суррогата предварительного расследования, поскольку на этом этапе невозможно ни производство всего спектра следственных действий, ни применение мер процессуального принуждения, ни формальное наделение лиц, вовлеченных в процесс доследственной проверки, статусом участников уголовного процесса.

Между тем в уголовно-процессуальном законодательстве других стран – участниц СНГ вопросу регистрации сообщений о преступлениях уделено более существенное внимание. Так, требование о незамедлительной регистрации сообщения о преступлении содержится в ст. 207 УПК Азербайджанской Республики, принятом в 2000 году, в ст. 265 УПК Республика Молдова 2003 года, в ст. 214 УПК Украины 2012 года, причем в последней из упомянутых норм содержится категорический запрет на производство досудебного расследования до внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований за исключением специально оговоренных в законе случаев, не терпящих отлагательства.

В ст. 144 УПК Киргизской Республики (2021 года) и ст. 179 УПК Республики Казахстан (2014 года) прямо указано, что регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в едином реестре досудебных расследований (преступлений) является началом досудебного производства.

Следует также обратить внимание, что во всех перечисленных государствах (за исключением Азербайджана) не предусмотрена стадия возбуждения уголовного дела с её атрибутами доследственной проверки, подобной тому, что регламентировано в ч. 1 ст. 144 УПК РФ; с момента регистрации сообщения о преступлении начинается производство любых процессуальных действий,

направленных на соби́рание доказательств и осуществление уголовного преследования.

К основным задачам начального этапа досудебного производства, без сомнения, следует отнести:

– установление факта (события) преступления, его предварительную юридическую квалификацию в качестве именно преступления (отграничение от административного правонарушения, дисциплинарного проступка, гражданско-правового деликта, стихийного бедствия и т.д.);

– закрепление его следов;

– установление лица, его совершившего.

При этом первые две задачи неизбежно возникают вне зависимости от наличия или отсутствия информации о лице, совершившем преступление.

Целью, то есть конечным результатом уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования по решению этих трех задач на начальном этапе досудебного производства, на наш взгляд, является установление оснований для уголовного преследования, то есть для придания конкретному установленному лицу процессуального статуса подозреваемого и применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения. Причем в тех случаях, когда информация о конкретном лице уже содержится в сообщении о преступлении, перед органом расследования ставятся только первые две из перечисленных выше задач, и решаются они параллельно.

Из сказанного логично сделать вывод о том, что решение обозначенных выше задач объективно невозможно без полноценного процесса доказывания.

Тенденции и логика развития современного права следуют в направлении расширения процессуальных гарантий прав личности и ужесточения стандартов доказывания, а социально-экономические реалии требуют оперативности в раскрытии преступлений и закреплении их следов, сокращения сроков производства по уголовному делу и процессуальной экономии во всех ее проявлениях. Следовательно, неизбежно изменение парадигмы досудебного производства в российском уголовном процессе. В основу этой парадигмы могла бы быть положена одностадийная модель, которая может в зависимости от наличия в сообщении о преступлении

конкретных сведений о лице, его совершившем, включать в себя один либо два этапа.

На первом устанавливаются признаки преступления (в первую очередь элементы объективной стороны состава преступления), закрепляются его следы, принимаются меры к установлению лица, его совершившего. Этот этап «включается» только в тех случаях, когда в первичной информации (сообщении) о преступлении отсутствуют сведения о потенциальном подозреваемом. Он может завершиться как возбуждением уголовного преследования в отношении конкретного лица путем придания ему процессуального статуса подозреваемого, так и отказом от такового и прекращением производства по делу, если в результате расследования будет установлено отсутствие события либо состава преступления.

Второй этап – собственно уголовное преследование – начинается с момента, когда конкретному лицу придается статус подозреваемого (путем его задержания, применения меры пресечения, уведомления о подозрении). Деятельность органа расследования на этом этапе направлена на избличение именно этого лица в совершении преступления, на отыскание имущества, полученного в результате преступной деятельности, включает в себя предъявление обвинения и обоснование его доказательствами.

При таком подходе необходимо закрепление в законе начального момента начала досудебного производства – регистрации сообщения, содержащего сведения о событии, содержащем признаки вероятного преступления. В зависимости от исходной ситуации

это сообщение (повод для начала досудебного производства, если пользоваться существующим понятийным аппаратом) может иметь несколько форм, что обусловлено характером первоисточника информации о признаках преступления:

- заявления физического или юридического лица, пострадавшего от противоправного посягательства, либо его очевидца;
- явки с повинной;
- сообщения должностных лиц государственных органов, выявивших признаки преступления в результате своей деятельности (контрольно-надзорной, административно-юрисдикционной, оперативно-розыскной и т.д.);
- сообщения в средствах массовой информации.

С точки зрения дальнейшей научной проработки данного вопроса заслуживают внимания, на наш взгляд, и иные, несколько непривычные для российского уголовно-процессуального законодательства, но успешно применяемые в других отраслях права (например, в КоАП РФ) или в законодательстве других государств (например, в УПК Республики Казахстан) процессуальные действия, рассматриваемые в качестве отправной точки (начала) досудебного расследования:

- задержание (фактическое) лица в момент совершения им преступления либо на месте преступления непосредственно после его совершения;
- производство первого неотложного следственного действия.

Цоколова О.И.,

доктор юридических наук, профессор
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (г. Москва)

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 140 УПК РФ

Более 2 лет назад вступила в силу ч. 4 ст. 140 УПК РФ¹, определяющая особенности возбуждения уголовных дел о незаконном обороте наркотиков, в соответствии с которой не может служить основанием для

возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 228.1 и 228.4 УК РФ, в части незаконного сбыта наркотиков сам факт нахождения лица в состоянии наркотического опьянения или обнаружения

¹ О внесении изменения в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 05.04.2021 № 67-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).